

Валерий ЧЕРКЕСОВ

член Союза писателей России

От автора. «Данники русского слова» — так называется рукопись книги, которую я сейчас готовлю к изданию. В неё вошли статьи о жизни и творчестве прозаиков и поэтов, оставивших заметный след в отечественной литературе. С ними я встречался, переписывался, а с кем-то дружил. Это Виктор Астафьев, Юрий Кузнецов, Евгений Носов, Борис Примеров, Николай Старшинов и многие другие.

Один раздел книги посвящён амурским литераторам: в Приамурье я родился, прожил тридцать пять лет, здесь работал в газетах, стал печатать стихи и прозу, выпустил два первых сборника стихотворений и, естественно, знал всех литераторов. С некоторыми из них меня до сих пор связывает творческая и человеческая дружба.

Считаю: надо говорить добрые слова тем, кто любит и ценит великое русское слово, при их жизни.

Сентябрь 2014 г.

Статьи

ЖИЗНЬ — ЭТО ДОРОГА...

(Виктор Волчков)

Существует такое выражение, мол, писатели бывают двух видов: те, которые живут, чтобы писать, и те, кто пишет, чтобы жить. Но есть и такие, которые живут полноценной жизнью, как и большинство смертных, и пишут об этом по велению души. К ним относится и мой давний друг прозаик Виктор Волчков, которого я называю по отчеству — Егорыч.

Начало октября 1972 года. Всесоюзная ударная комсомольская стройка первенца дальневосточной гидроэнергетики — Зейской ГЭС. Две недели я здесь в командировке, передаю репортажи в газету «Амурский комсомолец» о важнейшем событии в истории строительства — перекрытии реки. В те дни я и познакомился с Виктором Волчковым — тогда собственным корреспондентом областной газеты «Амурская правда». Вскоре мы подружились. Работая уже в одной редакции, вместе писали материалы о пуске первых агрегатов ГЭС, парились в баньке Егорыча, ходили в тайгу за удивительной ягодой моховкой — много чего было. Он уже тогда писал рассказы о природе, о братьях наших меньших, писал интересно, достоверно, со знанием дела, ибо родился в таёжном амурском посёлке Сиваки. Он — страстный путешественник, охотник, рыбак. Его первая книга «Куда ведёт та дорога...» вышла в 1982 году, уже после моего отъезда в Белгород. Виктор прислал мне экземпляр с дарственной надписью на обложке: «Моему другу и просто хорошему человеку».

Вот как он рассказывает о начале своего писательства: «Я учился в Якутском государственном университете на геолога. Одна из летних полевых практик проходила на хребте Полуосный, который почти вплотную подходит к Северному Ледовитому океану.

В нашем геологическом отряде было четыре человека и столько же лошадей. Из них (лошадей) — три кобылы и жеребец. Так вот, мошка почему-то невзлюбила именно жеребца и буквально выела у него паховое место. И те органы, что упоминаются вместе с фамилией Фаберже, в полном смысле слова висели на волоске. Чтобы животное не мучилось, его решили пристрелить. Начальник отряда Сашка Аверченко за такое самоуправство едва не поплатился своей должностью. Дело в том,

что руководство Северной экспедицией, куда мы входили как структурная единица, к расследованию убийства коня привлекло КГБ. И нам, работникам отряда, пришлось немало походить по кабинетам сверхстрогих кагэбэшников. В заключение они потребовали изложить всё рассказанное нами на бумаге. Ну, что писали мои товарищи — не знаю, но я накатал целый рассказ. Допрашивавший меня следователь даже усмехнулся: «Тебе бы впору писателем родиться...»

Сказано было с иронией, но я воспринял эти слова как трамплин для дальнейших действий. Переработал изложенное и отнёс текст в газету «Молодёжь Якутии». К моему удивлению, рассказ напечатали. Более того, пригласили на работу в газету».

Да, пути, которые приводят на писательскую дорогу, воистину неисповедимы...

Кстати, о дороге. В предисловии к книге «На берегу студёной Пёры» мой друг пишет: «Дорога — это жизнь. А она не бывает плохой, бывает разной, как говорят старые эвенки. Словом, после плохой погоды всегда наступает хорошая». И тут же: «Живу по принципу: мы не можем ждать милости от природы, но и ей нечего ждать от нас». Это сказано с иронией, но Егорыч на самом деле никогда ни о чём никого не просил и не просит, всего добивается сам, в литературе тоже. Чтобы его проза вышла к читателю, он написал и издал несколько, так сказать, заказных книг, но в каждой обязательно значительную часть объёма занимают его рассказы.

Став белгородцем, я часто навещался на малую родину и обязательно заезжал к Егорычу. И всегда в разные места: в города Зею и Благовещенск, в посёлок Сиваки, в призейское село Прядчино, в таёжную Черновку... Ещё он жил в городах Якутске и Ленске, в бамовском посёлке Чара, на берегу Байкала — всего сменил более тридцати мест жительства. Такова уж у моего старшего товарища неугомонная и неусидчивая натура. Сейчас он живёт в посёлке Углегорск, вблизи которого возводится космодром Восточный. В ближайшем будущем — город российской космонавтики Циолковский. Но есть у него и место отдохновения — домик в селе Малая Сазанка на берегу Зеи.

— Если нет лиственницы под окном,
значит, земля чужая.

Тайга вековая шумит кругом.

Осень звенит золотая.

— Слава Богу, ещё уголок

есть, где душа моя радуется!..

И польхает зарёю восток.

Жизнь продолжается... Кажется...

Это строки одного из многих стихотворений, которые я посвятил другу.

Между прочим, Егорыч порой и сам сочиняет стихотворные строки, ничуть не претендуя на место в поэтическом строю. Вот несколько цитат его рифмованной исповеди:

Дорогие сограждане милые,
поубавьте стремительный бег
и послушайте песню правдивую
о моей разнесчастной судьбе.

Я родился во время опальное,
а потом началась война.

Но спасибо товарищу Сталину,
он фашистскую нечисть прогнал.

<...>

Пронеслися года мои детские,
и не знаю — за что, почему? —
упекли меня власти советские
на далёкую, на Колыму.

И хотя проходил бесконвойным я,
но досталось мне в той стороне.

И спасибо Хрущёву покойному —
он амнистию выдал стране.

<...>

А потом начались непонятности,
и хоть я был совсем ни при чём,
перестройкой и всякою гласностью
разобидел меня Горбачёв...

В моём альбоме хранится фотография, сделанная Егорычем во время перекрытия Зеи. На ней заснят я с блокнотом в руках. На обратной стороне карточки рукой Волчкова написано четверостишие, относящееся ко мне:

Я рождён для жизни пылкой.

Я люблю с друзьями быть,

А порой и за бутылкой

Время шумно проводить.

Ирония по отношению к себе, добрый юмор по отношению к друзьям тоже в характере моего друга.

Когда на меня наваливаются грусть-тоска и ностальгия по Приамурью, я беру книги Виктора Волчкова «Тайна хребта Кет-Кап», «Брусничные рассветы», «Берег сокровищ», «На берегах студёной Пёры» и другие и словно вновь брожу по амурской тайге, сижу у студёных быстрых речек, вижу неповторимые рассветы и закаты, слышу настороженные посвистывания рябчиков...

А как прекрасны, как волнуют душу вот эти строки моего друга:

«... Только не ищите здесь экзотики, поражающего глаз ландшафта. Вас окружают скромные сосны, берёзы, лиственницы. Но если спуститься по распадку к мари — к конечной цели маршрута, — то можно увидеть родничок. Небольшой такой, фонтанирующий на какой-то десятке сантиметров, с удивительно чистой и вкусной водой. Это место сорок лет назад показал мне отец. До сих пор отчётливо помню, как он бережно протянул мне принесённую с Великой Отечественной алюминиевую кружку, наполненную родниковой водой. Вряд ли эта вода обладает целебными свойствами, но родничок дорог мне по-особому, я предпочту его любым термальным и минеральным источникам: ведь это родник моего детства».

Между прочим, его слова, что дорога — это жизнь, можно перефразировать: жизнь — это дорога, а она не бывает плохой, бывает разной. И Егорыч по любой идёт с достоинством.